ПРОИСШЕСТВІЯ

ВЪ

ГЕЛЬСИНГФОРСѢ

18 АПРѢЛЯ 1902 Г.

ПРОИСШЕСТВІЯ

ВЪ

ГЕЛЬСИНГФОРСѢ

18 АПРѢЛЯ 1902 Г.

БИБЛИО

СТОКГОЛЬМЪ
Типографія О. Л. Сванбека
1902.

Въ виду желательности познакомить также и русскую публику съ безчинствами казаковъ, имѣвшими мѣсто въ Гельсингфорсѣ 18 Апрѣля 1902 г. опубликованъ докладъ объ этомъ событіи городскихъ уполномоченныхъ, отзывъ магистрата на этотъ докладъ и два фотографическіе снимки.

Отзывъ полицейскаго управленія и секретное представленіе сената не имѣлись въ распоряженіи составителей настоящей брошюры.

Изъ фотографическихъ снимковъ видно съ ясностью, не оставляющею желать лучшаго, что въ то время когда казаки бросились на толпу, не было еще такого скопленія народа, которое-бы хоть сколько нибудь оправдывало употребленіе военной силы и что, поэтому, печальныя происшествія должны быть приписаны съ одной стороны: желанію губернатора генералъ-маіора Кайгородова, а съ другой: приказанію его господина, генерала Бобрикова, — потребовать при первомъ случаѣ войска и произвести безпорядокъ, который можно было-бы представить въ видѣ народнаго бунта или мятежа.

Къ счастью, это не вполнѣ удалось; дѣлается все возможное, чтобы умалить значеніе произведеннаго властями насилія. Сенатъ, какъ говорятъ, не приложилъ къ своему представленію Его Величеству русскаго перевода отзыва магистрата, сдѣлавъ, такимъ образомъ, все отъ него зависящее, чтобы отзывъ этотъ не дошелъ до свѣденія монарха. Тѣмъ болѣе причинъ пролить свѣтъ гласности на эти событія, а это можетъ быть достигнуто только печатнымъ словомъ.

Для каждаго должно быть ясно, что не только Финляндія, ея общественный строй и законный порядокъ, но и самое русское дѣло въ Финляндіи страдаетъ отъ того, что власть въ этой странѣ находится въ рукахъ агентовъ-провокаторовъ, какими несомнѣнно показали себя Бобриковъ и его послушные слуги.

ДОКЛАДЪ ГОРОДСКИХЪ УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ О ПРОИСШЕСТВІЯХЪ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ 18 АПРѢЛЯ 1902 Г.

Переводъ.

Державнѣйшій, всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь.

Гласные города Гельсингфорса считаютъ своимъ долгомъ, въ качествѣ представителей главнаго города Финляндіи, всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству о глубоко прискорбныхъ происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Гельсингфорсѣ, въ пятницу 18 Апрѣля сего года.

Около 3 часовъ дня на сенатской площади, у зданія ратгауза, собралась толпа, состоявшая большею частью изъ подростковъ. Благодаря стеченію любопытныхъ, толпа становилась все многочисленнѣе и заняла затѣмъ значительную часть площади и лѣстницы ближайшихъ общественныхъ зданій. По временамъ изъ этой толпы раздавались »ура» и свистки, усилившіеся съ появленіемъ полицеймейстера и нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновъ, приговоренныхъ недавно судомъ къ тюремному заключенію за грубое превышеніе власти и незаконное посягательство на свободу мирныхъ гражданъ, и все же, тѣмъ не менѣе, посылаемыхъ для охраненія порядка. Несмотря на это толпа, однако-же, не позволяла себѣ какихъ либо насильственныхъ дѣйствій. Нѣкоторыя лица, и въ томъ числѣ бургомистръ города, вполнѣ знакомыя съ нравомъ населенія, неоднократно предлагали полицмейстеру отослать полицію во дворъ полицейскаго учрежденія на той же площади, откуда она, въ случаѣ надобности, могла быть немедленно вызвана. Городскіе гласные были глубоко увѣрены, что предлагаемая ими мѣра, побудила бы толпу разойтись. Возможность столь благопріятнаго исхода подтвердилась послѣдовавшими за тѣмъ событіями. Значительно ранѣе — когда полиціей руководили вполнѣ опытныя и разумныя лица — всѣ подобныя происшествія всегда оканчивались благополучно. Въ данномъ случаѣ, наоборотъ, была принята въ высшей степени неблагоразумная мѣра, доселѣ неслыханная въ Финляндіи и въ которой вовсе не предвидѣлось надобности.

Поведеніе публики не давало никакого повода къ примѣненію чрезвычайныхъ мѣръ. Между тѣмъ, около 4 часовъ дня, распоряженіемъ губернатора, были вызваны войска для разсѣянія толпы, причемъ это

дѣло было поручено не финской гвардіи, а квартирующимъ здѣсь уральскимъ казакамъ. Ихъ нападенію подвергся мирный народъ, столпившійся на тротуарахъ и на большой лѣстницѣ Николаевскаго лютеранскаго собора. Лишь послѣ, когда нѣсколько человѣкъ было сбито съ ногъ лошадьми, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казаки были встрѣчены кусками обледенѣвшаго снѣга, брошенными въ нихъ изъ толпы отдѣльными лицами, непривычными къ подобному способу возстановленія порядка.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовало распоряженіе пустить въ ходъ нагайки. Безъ всякой жалости казаки набросились на толпу, избивая безъ различія и мужчинъ, и женщинъ и дѣтей. Многихъ, только случайно проходившихъ мимо, а также и тѣхъ, которые пытались спасти женщинъ и дѣтей изъ подъ лошадей и отъ ударовъ нагайкой, уводили съ площади окровавленными. Увлеченные избіеніемъ безоружной толпы, нѣкоторые казаки вторгались въ дворы и дома частныхъ лицъ, нападая также на мирныхъ прохожихъ, встрѣченныхъ ими на улицахъ и площадяхъ, гдѣ вовсе не было скопленія народа. Они гонялись также за больными и сидѣлками на дворѣ общественной больницы, отстоящей отъ площади на разстояніи нѣсколкихъ кварталовъ. Однако это грубѣйшее насиліе надъ гражданами не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Толпа, сохранившая спокойствіе предъ отрядами войскъ — за исключеніемъ лишь единичныхъ случаевъ самообороны — съ чисто финскимъ упрямствомъ постоянно возвращалась обратно и очистила площадь лишь послѣ удаленія войскъ и полиціи. Послѣднее служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что именно къ этому благоразумному мѣропріятію полиція обязана была обратиться съ самаго начала.

Нравственное вліяніе грубаго насилія, учиненнаго полицейскими властями и доселѣ неслыханнаго въ Финляндіи, исчезнетъ не скоро. Финскій народъ въ теченіе многихъ столѣтій привыкъ уважать право и соблюдать свои законы. Отличаясь широкимъ развитіемъ чувства собственнаго достоинства, коренящагося въ исконной народной свободѣ, онъ глубоко чувствуетъ нанесенное ему оскорбленіе и не скоро забудетъ кровную обиду, причиненную мирнымъ жителямъ той самою властью, которой ввѣрено охраненіе порядка и личной неприкосновенности гражданъ. Въ народѣ, одинаково помнящемъ и обиды и благія дѣянія, можетъ поколебаться уваженіе къ закону и праву, а также возникнуть недовѣріе и непріязнь къ властямъ. Вышеозначенныя событія несомнѣнно ослабятъ престижъ войскъ въ глазахъ населенія и не могутъ снискать имъ его симпатіи.

Всемилостивѣйшій, Державнѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь! Гласные города Гельсингфорса осмѣливаются всеподданѣйше довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества свою печаль,

вызванную изложенными происшествіями и раздѣляемую всѣми мыслящими гражданами страны. Эта печаль усугубляется при мысли, что подобныя же прискорбныя происшествія — не смотря на мѣры, принятыя гласными для обезпеченія спокойствія — могутъ возобновиться въ любое время, пока власть, руководящая полиціей, будетъ находиться въ тѣхъ же, какъ и теперь, рукахъ и пока спокойствіе въ губерніи будетъ охраняться лицомъ, не освѣдомленнымъ съ правовыми понятіями финскаго народа, его языкомъ, обычаями и характеромъ: уже одно незнаніе мѣстныхъ языковъ исключаетъ для этого лица возможность личнаго воздѣйствія на населеніе. Управляемый собственными гражданами согласно установившемуся въ теченіе вѣковъ правовому порядку и сообразно со своими національными особенностями, финскій народъ всегда былъ послушенъ своимъ законамъ.

Державнѣйшій, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь! Мы дерзаемъ всеподданнѣйше выразить надежду, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ Всемилостивѣйше снизойти къ нашему ходатайству.

Пребываемъ и проч.

ОТЗЫВЪ МАГИСТРАТА НА ДОКЛАДЪ ГОРОДСКИХЪ УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ.

Его Императорскому Величеству отъ магистрата города Гельсингфорса всеподданнѣйше.

Вслѣдствіе отзыва Нюландскаго Губернатора отъ 22-го сего апрѣля, затребовавшаго реляцію на счетъ всего происходившаго здѣсь въ теченіе 15—18 чиселъ того же мѣсяца, магистратъ имѣетъ честь Всеподданнѣйше донести слѣдующее.

Насколько магистрату извѣстно, въ теченіе 15 и 16 чиселъ никакихъ нарушеній порядка не происходило.

17-го числа сверхштатный комиссаръ и одинъ констабль, состоящіе при здѣшней полиціи, удаляясь изъ манежа лейбъ-гвардіи финскаго стрѣлковаго батальона, куда они были командированы для наблюденія за порядкомъ во время призыва новобранцевъ, подверглись выраженію непріязни со стороны толпы, собравшейся около манежа.

Надо замѣтить, что демонстрація, несомнѣнно, была вызвана лишь безразсудностью самихъ властей. Въ вышеупомянутый нарядъ были назначены полицейскіе чины, не задолго передъ тѣмъ приговоренные ратгаузскимъ судомъ къ тюремному заключенію за превышеніе власти во время исполненія ими служебныхъ обязанностей, а также обвиняемые общественнымъ обвинителемъ въ клятвопреступленіи. Одинъ же изъ нихъ, помимо сего, былъ судомъ отрѣшенъ отъ должности, но не смотря на это, и по настоящее время начальство довѣряетъ ему исполненіе полицейскихъ обязанностей.

Причиной вполнѣ естественнаго негодованія, возбужденнаго въ странѣ, въ особенности въ Гельсингфорсѣ, служитъ не только возмутительное обращеніе полиціи съ завѣдомо уважаемыми лицами въ обществѣ, но также и то поощреніе и та поддержка, которыми, со стороны начальства, пользуются полицейскіе чины, приговоренные судомъ къ наказанію за высшей степени предосудительные проступки. Кромѣ того, возбужденію негодованія содѣйствовалъ отчасти приказъ полицмейстера отъ 12 сего Марта, розданнаго 16 марта всѣмъ чинамъ полиціи и затѣмъ напечатаннаго во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, а отчасти также общеизвѣстная устная благодарность Нюляндскаго губернатора, выраженная имъ полиціи 17-го марта за похвальное, будто бы, испол-

ніе служебныхъ обязанностей. Въ присутствіи всѣхъ, нарочно для сего случая собранныхъ чиновъ полиціи, была выражена особая благодарность всѣмъ, приговореннымъ судомъ къ наказанію.

Утромъ 18 сего апрѣля, у казармъ гвардейскаго батальона, собрались, по показаніямъ очевидцевъ, около десяти праздныхъ подростковъ. Съ прибытіемъ полицмейстера и штабсъ-капитана Максимова, прикомандированнаго къ полиціи для особыхъ порученій, а также нѣсколькихъ констаблей и, наконецъ, конныхъ полицейскихъ, число собравшихся увеличилось, преимущественно все тою же праздною молодежью. Непріязнь къ полиціи и въ настоящемъ случаѣ выразилась только криками и нѣкоторыми юношескими проказами. Между тѣмъ жандармскій унтеръ-офицеръ обнажилъ шашку и поранилъ ею по крайней мѣрѣ двухъ рабочихъ и, насколько извѣстно, нечаянно также и штабсъ-капитана Максимова въ лицо. Къ 12 часамъ толпа понемногу разошлась.

Въ этотъ же день, около 3-хъ часовъ, помимо гуляющей, обыкновенно, въ это время публики, на сенатской площади собралась незначительная толпа мальчишекъ, по временамъ свиставшая и выкрикивавшая »ура». Свистъ и крики значительно усилились съ появленіемъ полицмейстера въ сопровожденіи большого числа полицейскихъ, среди которыхъ, опять таки, находились лица, приговоренныя судомъ къ наказанію за превышеніе власти. За исключеніемъ шумнаго поведенія уличной молодежи, собравшейся на церковной лѣстницѣ и бросанія въ полицейскихъ снѣжками, а также непочтительнаго провожанія этою молодежью нѣкоторыхъ сенаторовъ, ничего другого, нарушающаго общественный порядокъ, не происходило. Это зрѣлище, понятно, привлекло любопытныхъ. Однако, публика все время держалась въ сторонѣ, не принимая участія въ вышеупомянутыхъ продѣлкахъ молодежи.

Вмѣсто того, что бы немедленно оградить все мѣсто и удалить подростковъ, полицмейстеръ предпринялъ мѣры, возбудившія всеобщій смѣхъ и еще большее оживленіе среди молодежи.

Это послѣднее побудило меня, бургомистра, обратиться къ полицмейстеру съ просьбой увести полицейскихъ. Я полагалъ, что въ такомъ случаѣ собравшіеся разойдутся сами собою. Полицмейстеръ заявилъ, что получилъ отъ губернатора совершенно противоположное приказаніе. Поэтому я снова просилъ полицмейстера исходатайствовать у губернатора — тогда еще не находившаюся на мѣстѣ происшествій — разрѣшеніе исполнить мою просьбу и заявить ему, что я, въ такомъ случаѣ, гарантирую, что публика разойдется. Черезъ нѣкоторое время полицмейстеръ передалъ мнѣ, что губернаторъ не изъявилъ согласія на это предложеніе. Соглашаясь, очевидно, со моими доводами, полицмейстеръ еще разъ пошелъ къ губернатору, но вернулся съ заявле-

ніемъ, будто губернаторъ снова отказалъ и уже сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ войскъ, вслѣдствіе чего, будто бы, всякія другія мѣры излишни. Тѣмъ временемъ я, бургомистръ, обратился къ публикѣ съ просьбой разойтись и эта просьба, распространенная изъ устъ въ уста, а также отсутствіе уже интереса въ дальнѣшемъ пребываніи на площади оказали свое воздѣйствіе и значительная часть собравшихся дѣйствительно оставила площадь. Ко времени прибытія казаковъ и вслѣдъ затѣмъ губернатора за нѣсколько минутъ до 4-хъ часовъ, оставалось только нѣсколько сотъ человѣкъ и то лишь на тротуарахъ въ юго-западномъ углу площади и на лѣстницѣ Николаевскаго собора. Съ прибытіемъ казаковъ и во время ихъ выстраиванія публика, изъ вполнѣ естественнаго любопытства, снова была привлечена на площадь изъ сосѣднихъ улицъ поглазѣть на небывалое зрѣлище. Большинство размѣстилось по тротуарамъ, на лѣстницахъ ближайшихъ общественныхъ зданій и вокругъ статуи Императора Александра II. На площади оставались лишь единичныя лица. Казаки и губернаторъ, съ прибытіемъ ихъ на площадь, были встрѣчены подростками свистомъ и громкими восклицаніями. Остальная публика оставалась вполнѣ пассивной.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало явленіе, доселѣ никогда невиданное въ этой странѣ. Вызвавъ казаковъ, безъ всякой видимой въ нихъ надобности, если не считать причиной шумъ, поднятый подростками, а также не предупредивъ толпу установленнымъ на этотъ счетъ уголовнымъ загономъ порядкомъ, губернаторъ направилъ часть казаковъ на толпу любопытныхъ, вовсе не предвидѣвшую нападеніе. Неоднократно повторяя нападенія, казаки избивали нагайками всѣхъ, встрѣчаемыхъ ими, причемъ это насиліе продолжалось съ небольшими перерывами вплоть до 6 ½ часовъ вечера, несмотря на многократныя увѣщеванія и просьбы объ удаленіи казаковъ. Губернаторъ, непротивъ того, вызвалъ даже вооруженныя пѣхотныя части. До сихъ поръ все еще не было принято какихъ либо мѣръ къ загражденію площади, причемъ казаки нападали не только на ближайшихъ улицахъ, но также и въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ около Сеймоваго дома, скатуденскаго моста, на торговой площади, берговой улицѣ, а также ворвались въ садъ и корридоры новой клиники на Уніонской улицѣ, вездѣ избивая встрѣчныхъ не только нагайками, но иногда даже шашками. Принятыя мѣры, очевидно, вовсе не предназначались для поддержанія порядка, но обнаруживали лишь явное желаніе во что бы то ни стало истязать народъ. Настоящее предположеніе вытекаетъ уже изъ того, что казаки даже не пытались дѣйствовать противъ небольшой группы демонстрантовъ, но нападали на мирную публику, подстрекаемые къ тому грубыми примѣрами своихъ офицеровъ. Нѣ-

которыхъ женщинъ, искавшихъ спасеніе около статуи Императора Александра II, сбрасывали на площадъ и самымъ безсердечнѣйшимъ образомъ избивали на глазахъ губернатора и собравшихся вокругъ него офицеровъ. Высказанное выше предположеніе подтверждается также и тѣмъ, что совершенно постороннія лица, занятыя только своими частными дѣлами и прибывшія случайно на площадъ также избивались казаками. Одно лицо, взятое уже подъ охрану самой полиціи, подверглось избіенію нагайками, причемъ полиція, видимо, зараженная примѣромъ звѣрства, даже не пыталось прекратить это насиліе. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторымъ казакамъ, также были причинены поврежденія, отчасти отъ безвинно пострадавшихъ лицъ, отчасти же вслѣдствіе несчастныхъ случайностей. Когда послѣ всѣхъ упомянутыхъ возмутительныхъ сценъ казаки были, наконецъ, уведены во дворъ полицейскаго управленія, — отчасти благодаря вмѣшательству во это дѣло вице-предсѣдателя Экономическаго Департамента Императорскаго Сената — часть публики въ непродолжительномъ времени удалилась съ площади.

Вслѣдъ затѣмъ и пѣхотныя части были отправлены домой, благодаря чему разошлась и остальная часть публики. Позже, а именно въ 9 часовъ вечера, когда казаки отправились въ свои казармы, на Генрихской улицѣ между ними и гуляющей публикой произошла стычка, причемъ нѣсколько человѣкъ изъ послѣдней получили поврежденія.

Короткій срокъ, предоставленный магистрату для предъявленія объясненій по настоящему дѣлу, не позволилъ ему войти въ подробное разбирательство всего происшедшаго. Основываясь, главнымъ образомъ, на лично моихъ и вице-предсѣдателя сего магистрата наблюденіяхъ, какъ лицъ находившихся на сенатской площади, и въ остальномъ — на показаніяхъ очевидцевъ. магистратъ имѣетъ честь Всеподданнѣйше приложить шесть свидѣтельствъ отъ лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ, а также и составленный въ хирургической больницѣ списокъ всѣмъ лицамъ, коимъ была оказана первая помощь вслѣдствіе полученныхъ ими ранъ и ушибовъ.

Въ заключеніе магистратъ всеподданнѣйше доноситъ:

что при рѣшеніи вопроса: были ли власти въ правѣ вызвать войска нельзя сопоставлять событій на казарменной и сенатской площадяхъ въ виду того, что между этими событіями протекло около трехъ часовъ времени;

что вмѣшательство войскъ на сенатской площади было вызвано не какими либо нарушеніями общественнаго порядка, а проказами уличныхъ подростковъ;

что со стороны полицмейстера не было сдѣлано представленія о

вызовъ войскъ и что относительно самаго хода событій лично губернаторомъ не было сдѣлано наблюденій на мѣстѣ;

что полиціей не были приняты соотвѣтствующія мѣры для прекращенія упомянутаго безчинства;

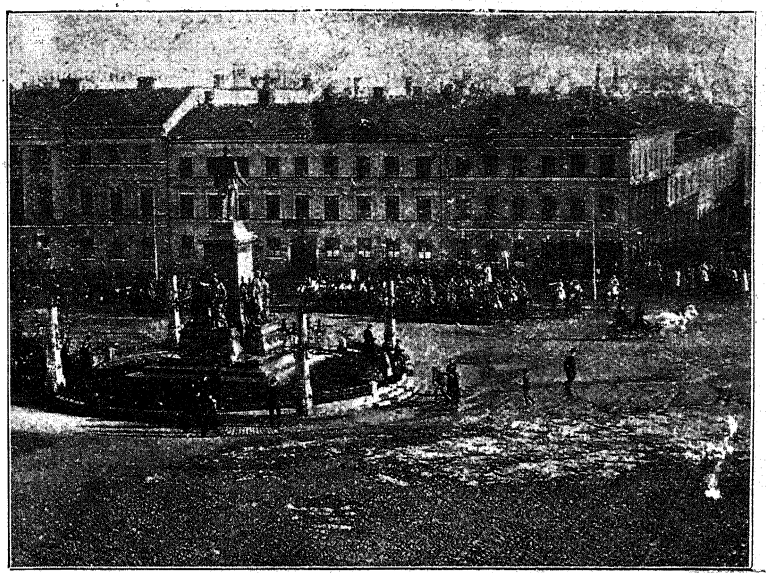
что событія, вызвавшія вмѣшательство войскъ, хотя и представляли собою нарушеніе порядка, но, тѣмъ не менѣе, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть относимы къ разряду такихъ происшествій, для подавленія коихъ необходима вооруженная сила;

что на основаніи всего изложеннаго, а равно и того что на площади не было значительнаго скопленія народа, не усматривается достаточныхъ основаній для вызова войскъ;

что общество не было предупреждено въ точно опредѣленномъ закономъ порядкѣ о началѣ дѣйствія войскъ, прибывшихъ по распоряженію надлежащихъ властей;

что дѣйствія войскъ были направлены не противъ безчинствовавшихъ, но противъ мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ жителей и распространялось на лицъ обоего пола, не имѣвшихъ даже ни малѣйшаго представленія о происходившемъ на сенатской площади, и наконецъ

что поврежденія, нанесенныя казакомъ въ время ихъ нападеній, были причинены пострадавшими отъ нихъ лицами, пытавшимися отвратить отъ себя нападеніе и пользовавшимися въ этомъ случаѣ только правомъ самозащиты, предоставляемымъ закономъ каждому гражданину.



Сенатская площадь до начала дѣйствій казаковъ.

КАКОЕ ПОНЯТІЕ ГЕНЕРАЛЫ БОБРИКОВЪ И КАЙГОРОДОВЪ ИМѢЮТЪ О ДОСТОЙНСТВѢ МОНАРХА.

Наглядным доказательством тому, какъ генералы Бобриковъ и Кайгородовъ поддерживаютъ достойнство монарха, могутъ служить »высочайшія вознагражденія», испрошенныя этими генералами къ дню русской пасхи для худшихъ элементовъ гельсингфорской полиціи. Это видно изъ слѣдующей талбицы:

	Присужденъ судомъ:	27 апр. всемилостивѣйше пожалованъ:
1. Полицейскій комисаръ Г. Андросовъ.	15 марта: за незаконное арестованіе — къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца. 10 апрѣля: за ложное обвиненіе — къ тюремному закюченію на 3 1/2 мѣсяца.	Чиномъ колежскаго регистратора.
2. И. д. полицейскаго комиссара И. Кайтокангасъ.	14 марта: за проступокъ по службѣ — къ штрафу въ 200 марокъ. 15 марта: за незаконное арестованіе — къ тюремному заключенію на 1 мѣсяцъ. 24 апрѣля: за ложную присягу — къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца.	Брилліантовымъ перстнемъ.
3. Старшій полицейскій констабль А. Молодкинъ.	14 марта: за незаконное арестованіе — къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца.	Денежною наградою въ 300 марокъ.
4. Полицейскій констабль А. Нюгольмъ.	2 апрѣля: А) за грубое обращеніе — къ штрафу въ 100 марокъ; Б) за незаконное арестованіе — къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца; В) за пьянство при особенно усиливающихъ вину обстоятельствахъ — къ отрѣшенію отъ должности. 15 апрѣля: за незаконное арестованіе — къ тюремному заключенію на 1 мѣсяцъ. 24 апрѣля: за ложную присягу — къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца.	Денежной наградой въ 250 марокъ.

Сверхъ того полицмейстеръ Карлстедтъ произведенъ въ полковники »за отличіе по службѣ», генералъ Кайгородовъ получилъ брилліантовую табакерку, а 29 полицейскихъ получили медали и денежныя награды.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТА